

Удастся ли погасить демографический взрыв?^[1]

Над темой номера работал

Сергей
ИВАНОВ^[2]

Взрыв: две позиции

Во второй половине XX века воспроизводство населения большинства стран Юга^[3] претерпело кардинальные изменения, в результате которых и до того не медленный демографический рост превратился в демографический взрыв. Население Юга выросло с 1,7 млрд. человек в 1950 году до 6,9 млрд. в 2015 году, причем особенно быстро растет население самых бедных стран (рис. 1).

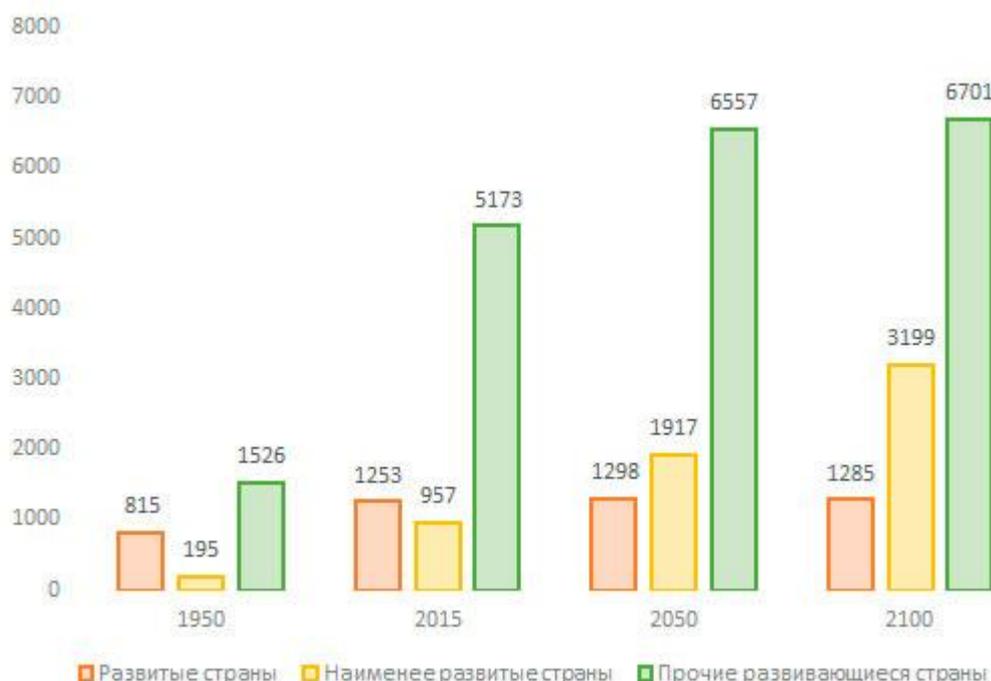

Рисунок 1. Численность населения в трех группах стран в 1950-2015 годах (наблюдение) и 2050-2100 годах (средний вариант демографического прогноза ООН 2017 года), млн человек

Источник: United Nations. *World Population Prospects, The 2017 Revision*. New York, United Nations, 2015.

«Неомальтузианская» перспектива утверждает, что демографический взрыв для стран, где он происходит, имеет мало положительных и множество негативных последствий, включая рост аграрного перенаселения, расползание бедности и крайней нищеты, давление на физическую и социальную инфраструктуру, торможение экономического роста[4]. По этим причинам демографический взрыв разогревает социальную напряженность и может стать питательной средой внутривнутриполитических конфликтов. Дифференциальные темпы роста населения подчас становятся фактором межэтнических трений. При определенных условиях быстрый рост населения может подорвать стабильность государства. В глобальном и региональном масштабах численность, плотность и темп роста населения всегда имели геополитическое значение, к которому сейчас добавляются новые элементы, включая международную конкуренцию за пресную воду, а также начинающуюся дискуссию о роли демографических факторов в глобальных изменениях климата[5]. Неомальтузианский антинатурализм[6], связанный с теорией демографического перехода, обосновывает возможность и необходимость воздействия[7] на репродуктивное поведение[8].

«Антимальтузианская» точка зрения оперирует более высоким уровнем абстракции, опираясь на несколько силлогизмов: (а) демографический взрыв является благом *ipso facto*, потому что его непосредственной причиной стало ограничение смертности – несомненно положительное изменение; (в) рост населения означает быстрый рост предложения труда, что в принципе всегда хорошо, а в условиях дефицита других факторов производства хорошо особенно; (с) если ускорение роста населения все же порождает какие-то локальные проблемы, то «виновата» не демография, а полиэкономика отсталости - надо менять общество, а не его демографическое воспроизводство; (d) все, что плохо для Запада, хорошо для Юга. Вот уже более полувека эти логические построения используются критиками антинатурализма и лежащей в его основе концепции демографического перехода. Первые два силлогизма построены на ложной предпосылке об универсальности всех и всяческих условий общественного развития, т.е. на отрицании специфики социально-экономической отсталости стран Юга. Так, аргумент о труде как факторе производства, адекватный развитой экономике (как рыночной, так и командной), выносит за скобки огромные масштабы относительного перенаселения, имманентные состоянию отсталости. Третий силлогизм логически верен в контексте иерархии факторов, определяющих воспроизводство населения, но вместе с тем является проявлением распространенного эскапизма – «если действует непреодолимая сила, то любые попытки ее преодолеть заведомо тщетны и потому вредны». Четвертый силлогизм был особенно распространен в период острого идеологического противостояния Юга и Запада (1960-80-е годы), когда ряд влиятельных развивающихся стран систематически использовали его в разных ситуациях, в том числе в коллективных заявлениях Движения неприсоединения и Группы 77 на площадках ООН по вопросам, далеко отстоявшим от демографической проблематики.

В последнюю четверть века фронтальное противостояние постепенно выходит из моды. Более того, реальный опыт последних десятилетий и его теоретическое осмысление позволяют частично снять противоречия между полярными подходами. Не только сила, но и знак многих последствий демографических тенденций оказываются детерминированы социально-экономической средой. Действительно, появились подтверждения тому, что политэкономия отсталости дает адекватный теоретический конструкт для понимания роли демографического фактора. Так, в определенной фазе демографического перехода в населении возрастает доля молодежи. В сочетании с возросшим образовательным уровнем и фрустрацией от отсутствия социальных лифтов этот рост способствует формированию протестного потенциала молодежи, как это случилось во время Арабской весны. С другой стороны, преодолевающая отсталость страна извлекает пользу из того же демографического явления. Так, быстроразвивающиеся экономики азиатских «тигров» получили дополнительный импульс от роста доли молодежи в населении, что произошло именно в фазе старта экономического роста. Вместе с тем следует признать, что такое благоприятное сочетание имеет место относительно редко именно потому, что демографический взрыв обычно действует особенно сильно в условиях отсталости. С другой стороны, сам феномен временного роста доли молодежи не возникает сам по себе, а следует за сокращением численности и доли детей. Предшественником и детерминантом этого является снижение рождаемости, которое может быть ускорено демографической политикой.

Теоретической базой антинаталисткой демографической политики является представление о системной перестройке естественного воспроизводства населения (сначала на Севере, а затем с примерно столетним лагом на Юге) как следствии и компоненте модернизации. Универсальный характер снижения смертности и рождаемости был концептуализирован в теории «демографического перехода» («демографической революции»)[9] который является модернизационным процессом того же уровня, что индустриализация, экономический рост и урбанизация. До демографического перехода продолжительность жизни не превышала 40 лет, а по его завершении она превышает 70 лет. В допереходных обществах женщины рожают в среднем по пять-семь детей, после перехода - одного-двух.

Тайминг перехода варьирует от страны к стране, но смертность обычно начинает снижаться раньше рождаемости и часто снижается быстрее. В течение временного лага рост населения ускоряется. На Севере в XIX – начале XX веков рост населения ускорился, но до демографического взрыва дело не дошло, потому что смертность снижалась «мягко». На Юге масштабный импорт жизнеспасающих технологий в 1950-е-1980-е гг. обрушил смертность: если до перехода треть новорожденных умирала до достижения пятилетнего возраста, то в настоящее время этот показатель в развивающихся странах составляет в среднем около 5% [10].

В отношении смертности демографический переход (эпидемиологический переход) в очень большой степени детерминирован факторами, внешними по отношению к человеку, в то время как уровень рождаемости определяется главным образом индивидуальным репродуктивным поведением. Это поведение меняется как составная часть и следствие модернизационных процессов, причем целенаправленные внешние влияния могут значительно ускорить перестройку репродуктивного поведения [11]. Так, программы планирования семьи предоставляют супругам современные эффективные способы регулирования рождаемости и способствуют интернализации новых норм детности. Они основаны на принципах добровольности участия, бесплатности услуг и упора на предупреждение нежелательных беременностей в противоположность их прерыванию.

К концу XX века участники полемики и наблюдатели пришли к согласию о том, что практически все элементы модернизации являются факторами демографического перехода, а содействие демографическому переходу помогает модернизации. Кажется, что поскольку программы планирования семьи так теоретически хороши, да к тому же недороги, что они просто не могут быть предметом серьезных разногласий. Однако на самом деле в течение многих десятилетий демографическая политика в странах Юга была, да и ныне подчас остается полем идеологических столкновений, разворачивающихся в поле межгосударственных отношений - главным образом на площадках ООН. При этом полемика эволюционирует в двух направлениях: антимальтузианство слабеет и размывается практикой программ планирования семьи и растущим осознанием негативных последствий быстрого роста населения, в то время как антинатализм не отвоевывает освободившееся пространство, а, опасаясь выйти за пределы политкорректности, стыдливо прячется на арьерсцене теории демографического перехода. Не будет далеким от истины утверждение, что, несмотря на сохраняющуюся актуальность программ планирования семьи политический консенсус по вопросу об антинатализме достиг апогея в 1970-е годы, а впоследствии слабел и размывался.

Эволюция политики антинатализма

В 1960-х-1970-х годах демографический взрыв стал одной из самых идеологизированных тем во взаимоотношениях Юга с Западом. Poleмика, подчас резкая и неконструктивная, велась о парадигме развития и праве государств формулировать отношение к своей и чужой демографической реальности. Позиция развивающихся стран сложилась весьма быстро как единый голос Движения неприсоединения. Ее стержнем было утверждение о неокOLONиальной угрозе, которая проявляется в навязывании Югу ответственности за демографический взрыв и обязательств затормозить рост населения. В течение почти четверти века официальный Запад публично не отвечал на эти инвективы, поскольку не желал антагонизировать постколониальные

государства и в отличие от Юга не имел ясной общей платформы. Играло роль и то, что полемика по этому вопросу требует как минимум двухходовых аргументов, что не всегда хорошо воспринимается на межгосударственных форумах. Условно «западная» (потому что активно в полемике участвовало всего несколько государств во главе с США) позиция постепенно пробивала себе дорогу, вовлекая в консенсус прагматически настроенных дивелопменталистов из стран Юга.

Для понимания эволюции политических подходов позиций Запада и Юга особое значение имеет позиция Соединенных Штатов и конференции ООН по народонаселению. США являются крупнейшим донором технической помощи программам планирования семьи и проводником наиболее внятной доктрины демографической политики в развивающихся странах. Конференции ООН потому, что они были ареной глобальной дискуссии и на них был найден наименьший общий знаменатель очень разных подходов[12].

Разработка американской государственной концепции роста населения развивающихся стран прошла несколько этапов. Президенты Д. Эйзенхауэр и Дж. Кеннеди отклонили рекомендации двух комитетов Конгресса, предложившие развернуть международное сотрудничество на основе глобальной антинаталистской позиции. Нежелание президентов прислушаться к рекомендациям своих внешнеполитических и разведывательных ведомств определялось не только стремлением избежать антогонизации отношений с постколониальным Югом[13]. В то время влиятельной была точка зрения, настаивавшая на положительных последствиях быстрого роста населения в самих Соединенных Штатах. Этот подход был основательно подорван публичным (1972 год) докладом комиссии Конгресса о росте населения страны и будущем Соединенных Штатов[14], который прямо утверждал, что демографический рост более не является показателем прогресса страны, что он создает больше проблем, чем решает, и что следует как можно скорее стабилизировать население США. Опубликованный в том же году первый доклад Римскому клубу[15] рассматривал демографический рост как один из главных негативных драйверов всемирной системной динамики. Большая популярность этого доклада в правительственных кругах многих стран Запада, включая США, была обусловлена авторитетностью организации, под эгидой которой он был подготовлен, впечатляющими моделями и масштабными результатами.

Два года спустя (1974 год) Совет национальной безопасности подготовил доклад о последствиях роста мирового населения для безопасности и зарубежных интересов Соединенных Штатов[16]. В докладе, одобренном президентом Дж. Фордом, использовались многовариантные прогнозы с целью определить, насколько вероятно, что быстрый рост населения вызовет разрушительные изменения в странах Юга; каковы могут быть конкретные международные последствия, в том числе возникновение очагов нестабильности и конфликтов вследствие конкуренции за ресурсы; какой темп экономического роста адекватен тому или иному демографическому сценарию. Главные выводы состояли в том, что быстрый рост населения, высокая доля молодежи, интенсивные внутренние миграции и растущее стремление эмигрировать тормозят экономический рост и подрывают политическую стабильность, обостряют глобальные ресурсные и экологические проблемы. Рост демографического давления особенно опасен в крупных странах-производителях минерального сырья, а также в государствах-стратегических союзниках США - Бангладеш, Бразилии, Египте, Индии, Индонезии, Колумбии, Мексике, Нигерии, Пакистане, Таиланде, Турции, Эфиопии, Филиппинах, - обеспечивавших 2/3 прироста населения Юга[17]. Новый подход был быстро реализован во внешней политике и Соединенные Штаты вскоре стали лидирующей силой в пропаганде антинатализма и предоставлении технической помощи в этой области.

Последовательная и активная антинаталистская политика США была прервана десятилетним периодом, когда консервативные воззрения блокировали прагматическое целеполагание. Р. Рейган выиграл президентские выборы 1980 года при весомой поддержке радикально-консервативного межпартийного движения защитников «права на жизнь» (right-to-life). Целью этого движения была отмена решения Верховного суда (1973 год), легализовавшего аборт, а методами – громкие пропагандистские кампании, судебные процессы, законодательные инициативы, манифестации и даже теракты. В первые же недели после инаугурации Рейган провел неудачную любовую атаку в

Конгрессе с целью отмены решения Верховного суда 1973 года. Впоследствии Администрация, продолжая попытки законодательно запретить аборт в стране, включила этот вопрос во внешнеполитическую повестку дня, исходя главным образом из соображения, что навязать свою идеологическую позицию международному сообществу будет легче (это прерогатива исполнительной власти), чем провести законы, непосредственно затрагивающие жизнь десятков миллионов американцев. На международной конференции ООН по народонаселению (1984 год) была обнародована новая американская платформа: (1) аборт – абсолютное зло, США не будут оказывать помощь проектам, каким-либо образом связанным с поддержкой абортов, в том числе программам планирования семьи, которые якобы используют их как инструмент регулирования рождаемости (что не соответствовало истине); (2) рост населения нейтрален по отношению к экономическому росту^[18]. Администрация президента Клинтона (1993-2001) de facto вернулась к дорейгановской позиции и политике.

За изменением политического отношения к демографической политике последовало резкое сокращение финансирования, причем не только из государственного бюджета. Администрации США удалось заставить неправительственные организации пойти в кильватере нового курса. На смену четким, последовательным и открытым критериям распределения ресурсов пришли туманные формулировки, позволявшие приостанавливать, прекращать или не одобрять проекты на базе идеологических и ситуационно-политических императивов. В результате было намного уменьшено финансирование Международной федерации планируемого родительства и на несколько лет заморожены американские взносы в Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА), которые в соответствии с ранее взятым на себя американской стороной обязательством составляли половину бюджета организации.

Хотя несколько западных стран увеличили свои взносы до уровня, компенсировавшего сокращение американской помощи, Запад не был един в подходе к проблемам народонаселения развивающихся стран. Так, Франция, из опасения задеть болевые точки своих бывших африканских колоний, весьма прохладно отнеслась к демографическому целеполаганию и долгое время никак не помогала политике снижения рождаемости во франкоязычной Африке. Великобритания, хотя и разделяла тревогу по вопросу о глобальном демографическом взрыве, осторожно втягивалась в конкретную деятельность – также из опасения уязвить страны Содружества. Италия и Испания испытывали схожие экзистенциальные терзания. В Германии демографические сюжеты были запятнаны нацистским прошлым и табуированы. Швеция, а вслед за ней и другие скандинавские страны, предпочитала фокусироваться на контрацепции в контексте прав человека и общественного положения женщин. Впоследствии оказалось, что скандинавский подход оптимален для достижения консенсуса, но ценой утери представления о социально-экономической важности антинаталистских программ.

От антимальтузианства к прагматизму?

Характерной особенностью восприятия демографического взрыва правительствами стран Юга на протяжении четверти века было сочетание антимальтузианской риторики с развертыванием антинаталистских программ – национальных по форме и интернациональных по содержанию. В 1960-х-начале 1970-х годов большинство стран Юга провозглашали программы планирования семьи орудием неокOLONIALИЗМА. На Ближнем Востоке, а также в ряде стран Латинской Америки и Карибского региона преобладали религиозно обоснованные возражения. Впоследствии антимальтузианская риторика постепенно утратила первоначальный задор (но сохранила свойства заклинаний) и сосуществует с прагматической интеграцией антинатализма в государственную политику. Сосуществование выражается в реализации национальных программ планирования семьи с отрицанием на международном уровне наличия проблемы высокой рождаемости как препятствия развитию.

К середине 1970-х годов многие развивающиеся страны (в том числе Бангладеш, Египет, Индия, Мексика и Филиппины) уже осуществляли программы планирования семьи, причем с эксплицитной

целью сдерживания роста населения. В 1970-80-х годах во многих развивающихся странах были приняты правительственные документы, определяющие стратегию демографической политики, образованы правительственные подразделения (как правило, в министерствах планирования), а в ряде стран, уделяющих особое внимание снижению рождаемости, комиссии по народонаселению на министерском и даже надминистерском уровне. В Индии, Китае и Мексике были приняты законы о демографической политике, хотя, как правило, программы планирования семьи не имеют столь высокого статуса.

Страны социалистического лагеря исповедовали хроническое антимальтузианство и упорно отрицали, что демографический взрыв представляет собой реальную проблему для стран Юга. Эта позиция, чаще всего озвучиваемая на международных форумах Советским Союзом, вытекала из теоретических основ коммунистической идеологии и преследовала две внешнеполитические цели: добавить «выигрышные» демографические сюжеты к тематике идеологического противостояния с Западом и укрепить дипломатический союз с Югом. Случалось, тихонько признавался «мальтузианский» аргумент, но из него делался деструктивный вывод «чем хуже, тем лучше», предлагавший рассматривать демографический взрыв как фактор подрыва мировой капиталистической системы. Впоследствии на протяжении четверти века подход советской стороны эволюционировал от неконструктивного антимальтузианства к нейтральному равнодушию. Понятно, что развал социалистического лагеря сделал ненужным следованию курсу Москвы. Восточноевропейские страны быстро (некоторые – уже к конференции ООН 1994 года) присоединились к антинаталистским платформам по вопросам народонаселения.

МИД России долгое время молчал по вопросу о быстром росте населения глобального Юга, что можно считать сознательным продолжением позднесоветской «позиции», а можно – неосведомленностью. В последнее время мнением экспертного сообщества Правительство России по-прежнему не интересуется, но намечается тенденция к возобновлению критики антинатализма, что заметно в выступлениях российской делегации на сессиях Комиссии ООН народонаселению. Не исключено, что это – попытка смотреть на мир так, как если бы он был однороден: если в развитых странах есть порождаемые низкой рождаемостью проблемы, то негоже ратовать за ее снижение в развивающихся странах. Этот взгляд отражает не российскую уникальность, а традиционно неправильно интерпретируемые требования политкорректности.

На пути к международному консенсусу под эгидой ООН

В целом демографическая политика в странах Юга развивалась как дихотомия идеологического антимальтузианства и практического антинатализма. Организация Объединенных Наций стала глобальным форумом разрешения этого противоречия на пути легитимизации глобальной проблематики народонаселения, разработки приемлемых общих целей и инструментария демографической политики. Не все эти задачи были выполнены, но ряд достижений несомненен. Гуманитарная и философская суть демографической политики была впервые обсуждена на межгосударственном уровне на Конференции по правам человека (Тегеран, 1968 год), на которой было достигнуто понимание того, что доступ к планированию семьи является одним из прав человека^[19]. Впоследствии этот подход получил развитие на череде региональных и всемирных (1974, 1984 и 1994 годы) конференций ООН.

Главный, щепетильный и так и не разрешенный вопрос об универсальном признании быстрого роста населения фактором, мешающим развитию, накалял дискуссии на пленарных заседаниях и блистал своим отсутствием во всемирных программах и планах действий. Выход из противоречия между нежеланием открыто признать быстрый рост населения проблемой и желанием внедрять программы планирования семьи был найден на «шведском пути»: программы рассматриваются в контексте улучшения положения женщин и материнского здоровья. Само по себе это не изменяет содержания программ, но понижает их приоритет для государств, что, в свою очередь, ограничивает их результативность.

Принципиальным достижением первой Всемирной конференции ООН по народонаселению (Бухарест, 1974 год) была легитимизация проблематики народонаселения и демографической политики. Этот кажущийся сейчас тривиальным ход в то время был пионерным прорывом. Принятый Конференцией Всемирный план действий в области народонаселения впервые открыто провозгласил важность демографических процессов в контексте преодоления социально-экономической отсталости. План действий не утверждал, что программы планирования семьи ускоряют социально-экономическое развитие, но и не отрицал ценность демографической политики. Более того, странам, полагавшим, что быстрый рост населения наносит ущерб развитию, Всемирный план действий предлагал самостоятельно определить количественные цели и разработать меры по их достижению (впоследствии международное сообщество не продвигалось так далеко), но не содержал никаких конкретных параметров[20].

Через 10 лет после Бухареста была созвана Международная конференция ООН по народонаселению (Мехико, 1984 год). Контекст Конференции был более благоприятен для примирения идеологии с практикой, поскольку много развивающихся стран (в т.ч. Бангладеш, Бразилия, Индия, Индонезия, Кения, Мексика, Нигерия и Пакистан) уже начали осуществлять программы антинатальной политики, а острота идеологического противостояния Юга и Севера ослабла. Однако конференция приняла лишь Декларацию и Рекомендации по дальнейшему осуществлению Всемирного плана действий в области народонаселения[21], не содержавшие ничего концептуально нового по сравнению с Бухарестом.

Третья международная Конференция по народонаселению и развитию (Каир, 1994 год) приняла Программу действий[22] с горизонтом в 20 лет. Программа, несмотря на обильное использование дивелопменталистской фразеологии, выхолостила идею демографического целеполагания и настолько увлеклась положением женщин, что упредила (в том числе текстуально) многие подходы и рекомендации конференции ООН по положению женщин, созванной год спустя в Пекине. Значительным шагом назад стала рекомендация правительствам реформировать политику народонаселения, поставив в ее центр репродуктивное здоровье (в первую очередь снижение материнской смертности), а также профилактику и лечение передающихся половым путем заболеваний, включая ВИЧ/СПИД. В этом проявилась контрпродуктивная черта всеобщей озабоченности действительно очень опасным недугом: международную помощь в этих областях оказывают несколько мощных организаций системы ООН (UNAIDS, ВОЗ, ЮНИСЕФ, недавно созданный UNWOMEN), вследствие чего ресурсы оказываются размытыми, а координация трудной. Подключение ЮНФПА не только внесло дополнительную сумятицу, но и привело к de facto перераспределению его бюджета в ущерб профильной деятельности. За истекшие после Каирской конференции два десятилетия эти проблемы остаются нерешенными.

Сказанное выше не означает, что в области народонаселения за последние тридцать лет Организация только и делала, что отступала с ранее завоеванных позиций. На самом деле были достигнуты значительные успехи в систематизации факторов социально-экономического развития и выработке комплексных подходов к управлению ими. Такие подходы содержат компоненты, способствующие демографическому переходу. С другой стороны, акторы согласились в том, что стратегии социально-экономического развития не могут игнорировать демографические тенденции и потому должны содержать элементы программных решений. Удалось создать крепкий, хоть и тематически узкий универсальный консенсус о репродуктивном здоровье и репродуктивных правах в контекстах прав человека, здравоохранения и социального развития. Эти сюжеты вошли в глобальные стратегии развития[23]. Крупным и уникальным достижением Организации была деятельность ЮНФПА в конце 1960-х – 1990-х годах. Фонд помог организовать программы планирования семьи в десятках развивающихся стран, способствовал их эффективности, в том числе через обмен удачным опытом, консультирование ведущими специалистами, участие в развитии систем мониторинга и помощь в налаживании устойчивого финансирования. В течение некоторого периода потоки международной помощи, распределенной через ЮНФПА, составляли большую часть международного содействия в этой области и большую долю в совокупных ресурсах национальных программ. Учитывая, что эти программы результативны и недороги, а также тот факт,

что быстрый рост населения сдерживает развитие, правомерно утверждать, что международное содействие программам планирования семьи стало одним из эффективных (если не самым эффективным) видом технической помощи развитию. Более того, Организации удалось стать триггером демографической политики в большом числе стран, где без ее участия идеологические споры и бюрократические препоны на десятилетия задержали бы практическую деятельность государств.

Демографические программы: некоторые результаты

В середине 1970-х годов число правительств развивающихся стран, оценивающих уровень рождаемости как слишком высокий и проводящих политику, направленную на его снижение, уже было значительным (55). Казалось бы, увеличение к 2014 году этого числа всего на 7 говорит о незначительном росте популярности этой деятельности. Однако структура этой динамики говорит о другом. В 32 развивающихся странах (включая Вьетнам, Египет, Индию, Индонезию и Иран) правительства продолжают считать, что население растет слишком быстро, хотя рост значительно замедлился по сравнению с серединой 1970-х годов. В 30 странах официальная позиция, признававшая темп роста населения удовлетворительным, трансформировалась в озабоченность чрезмерно быстрым ростом. С другой стороны, в 23 странах, где демографический переход близок к завершению, озабоченность демографическим взрывом сменилась удовлетворенностью замедлившимся ростом населения. Правительства Республики Корея и Сингапура, администрации Гонконга и Тайваня, где рождаемость сократилась до сверхнизких уровней, поменяли знак своей оценки демографической ситуации и стали разрабатывать политику повышения рождаемости, но не изменили своего понимания демографической угрозы бедным странам. Всего в течение 40 лет в 83% стран Юга рождаемость на том или ином этапе официально оценивалась как слишком высокая. В настоящее время только в 7% стран Юга государство не оказывает прямой поддержки программам планирования семьи, причем в половине стран правительства открыто объявляет антйнаталистскую цель[24].

Три-пять десятилетий осуществления демографической политики в странах Юга показали ее результативность. В 2009 году статистически значимый коэффициент корреляции между интенсивностью программ планирования семьи[25] и рождаемостью[26] составил -0,42. Статистическая связь, вероятно, была бы еще теснее, если бы удалось внести поправки на социальный контекст, который всегда многослоен, но не всегда подвержен квантификации.

Когда государство прямо декларирует цель снижения рождаемости и поддерживает программу планирования семьи, рождаемость снижается быстрее, чем в отсутствие демографического целеполагания. Это происходит потому, что демографическое целеполагание коррелирует с качеством программ и охватом ими населения страны. Так, в странах, декларировавших цель снижения рождаемости, коэффициент суммарной рождаемости снизился в среднем за 1976-2009 годы на 3,1 ребенка на женщину. В странах, осуществлявших проекты улучшения репродуктивного здоровья в отсутствие публично декларированных демографических целей[27] рождаемость снизилась на 2,2 ребенка на женщину. В дюжине стран, заявлявших о своем стремлении повысить рождаемость, она сократилась «всего» на 1,6 детей на женщину[28]. Эти цифры можно интерпретировать как свидетельство того, что (а) под влиянием универсальных процессов модернизации демографический переход разворачивается повсюду, даже если правительство заинтересовано в стабильно высокой рождаемости, (в) декларированная позиция государства связана с практической политикой; (с) политика способна значительно ускорить сокращение рождаемости.

Решимость снизить рождаемость проявляется в больших ассигнованиях на программы планирования семьи, официальной пропаганде средне- и малодетности как способов повышения индивидуального благосостояния и лучшей интеграции планирования семьи в деятельность государства.

Особенность антинаталистской политики, которая несомненно, хотя и не публично, принимается за основу, заключается в возможности достичь высокой результативности программ малой ценой. Глобальный объем западной помощи программам планирования семьи (по всем каналам) никогда не превышал миллиарда долларов в год, т.е. одного доллара в год в расчете на женщину детородного возраста. По некоторым оценкам, эти программы в некоторых странах вдвое снизили темпы роста населения^[29] и таким образом позволили переключить десятки (может быть, сотни) миллиардов долларов из роста количественного охвата населения здравоохранением и образованием на их совершенствование.

Другое свойство программ планирования семьи заключается в их способности достигать целей, выходящих за рамки антинатализма. Так, в развивающихся странах десятки миллионов нежелательных беременностей приводят к миллионам младенческих смертей и сотням тысяч материнских смертей. Программы планирования семьи предотвращают многие такие человеческие жертвы. Демографическая политика способствует эмансипации женщин – как наделяя их средствами контроля над собственным телом, так и улучшая положение женщины в семье и обществе.

Пойдет ли Нигерия по пути крупных стран

В 1970-2010-х годах рождаемость сократилась в большинстве регионов Юга, причем не случайно, что относительно благополучные развивающиеся страны прошли большую часть демографического перехода, в то время как в наименее развитых странах застойная экономическая отсталость, бедность и неразвитость социальных институтов обусловили сохранение архаичного репродуктивного поведения. Так, в Нигерии традиционный образ жизни большинства населения блокировал воздействие программы планирования семьи, которая и сама была слабой из-за низкой эффективности государственных институтов. Но бывает и так, что хорошо организованная, долгосрочная, добровольная программа планирования семьи инициирует коренную перестройку поведения даже в условиях застойной социально-экономической отсталости. Так, в Бангладеш организованная еще в начале 1960-х годов программа планирования семьи не только преодолела разрыв между желаемым и реальным числом детей в семье, но и способствовала формированию современных репродуктивных установок. Рождаемость в стране снизилась с 6-7 до 2 детей на женщину (рис. 2). Если бы рождаемость осталась на прежнем уровне, страну ждало бы 13-кратное увеличение населения в течение 100 лет (1950-2050 годы) и к середине 21 века в самой густонаселенной стране Юга скопилось бы полмиллиарда жителей.

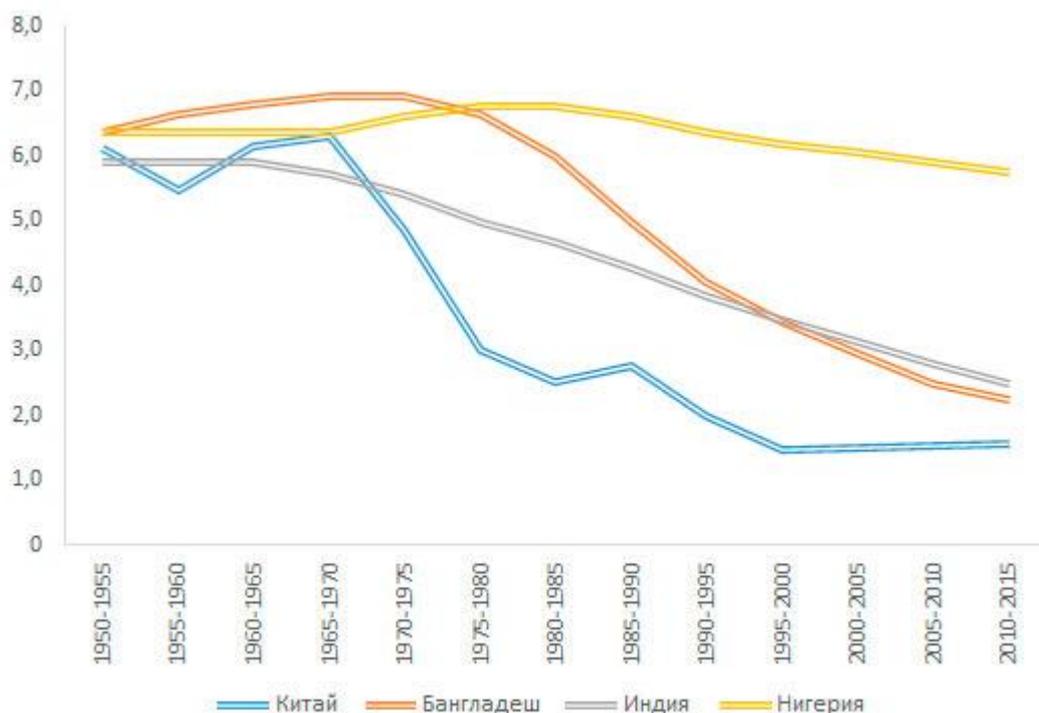

Рисунок 2. Рождаемость в Бангладеш, Индии, Китае и Нигерии в 1950-2015 годах, число детей на 1 женщину

Источник: United Nations. *World Population Prospects, The 2017 Revision*. New York, United Nations, 2017

Две крупнейшие страны мира – Китай и Индия – встроили в программы планирования семьи инструменты материального поощрения и физического принуждения. В Индии правительство приступило к реализации антинаталистской демографической политики в начале 1950-х годов. Ее неуспех в сочетании с высокой приоритетностью целей подтолкнул правительство Индиры Ганди сначала ввести в начале 1970-х годов денежное поощрение малодетности, а затем принять решение о насильственной стерилизации двухдетных мужчин. Широкое недовольство программой стало одной из главных причин отставки правительства в 1978 году. С середины 1980-х годов индийская национальная программа планирования семьи, переименованная в программу семейного благополучия, функционирует на основе добровольности и осуществляется через сотни тысяч местных центров. Вероятно, коллективная память о давних aberrациях все еще отвращает значительную часть потенциальных участников от обращения в центры семейного благополучия. Немалую сдерживающую роль играет этническое разнообразие и кастовая раздробленность страны, которые препятствуют унификации репродуктивных установок. Поэтому демографический переход в Индии затянулся (рис. 2) и через несколько лет страна станет самой многонаселенной в мире (рис. 3).

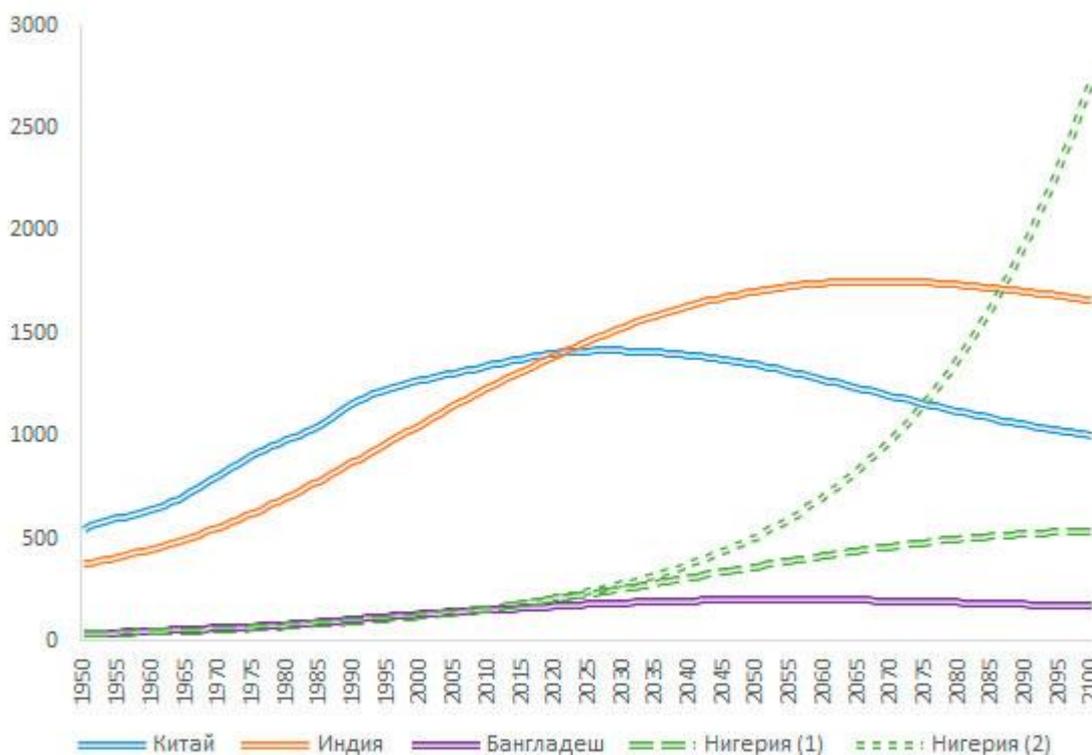

Рисунок 3. Численность населения Бангладеш, Индии, Китая и Нигерии в 1950-2015 гг. (наблюдения) и 2016-2100 гг. (прогноз)

Сценарии прогноза ООН для Бангладеш, Индии и Китая основаны на среднем варианте динамики рождаемости, для Нигерии – на основе варианта быстрого снижения рождаемости (1) и сохранения нынешнего уровня рождаемости (2).

Источник: United Nations. *World Population Prospects, The 2017 Revision*. New York, United Nations, 2017.

В Китае запущенная в 1978 году и с 2015 года постепенно сворачиваемая «политика одного ребенка» основана на прямом вмешательстве государства в дела семьи путем подавления индивидуальной свободы выбора. После рождения первого ребенка супруги обязаны использовать контрацепцию; после рождения второго один из супругов должен подвергнуться стерилизации. Любая беременность без предварительного официального разрешения должна быть прекращена абортом. Эти цели достигаются системой мер поощрения и принуждения. Превышение разрешенного числа рождений влечет карательные санкции, которые варьируются по провинциям и включают крупные штрафы, вычеты из зарплаты, лишение работы, конфискацию или даже разрушение семейного дома или имущества, политические преследования. Жесткий мониторинг и контроль над индивидуальным поведением осуществляется многомиллионной сетью ответственных, назначаемых парткоммами и встроенных в вертикаль административного подчинения во главе с центральной комиссией, имеющей статус министерства. Руководство страны убеждено в пагубности демографического роста в самой многонаселенной стране мира и гордится успехами в его прекращении.

Провозглашенная цель достигнута: рождаемость в стране снизилась до уровня (1,5-1,6 ребенка на женщину - рис. 2) намного ниже того, который необходим для обеспечения простого

воспроизводства населения. Однако на протяжении десятилетий за скобки было вынесено демографическое будущее за порогом успешного завершения программы. Будущее, между тем, очевидно: население будет стареть, трудовые ресурсы вскоре начнут сокращаться, а потом развернется депопуляция страны: к концу столетия численность населения Китая сократится на 400 млн. человек по сравнению с ныне достигнутым историческим максимумом (рис. 3).

Наряду с этим все очевиднее становятся такие непредусмотренные социальные последствия китайского варианта демографического перехода, как селективные аборты; распространение детоубийств; чреватые сильными негативными последствиями перекосы возрастной структуры; эгоизм поколений, воспитанных единственными детьми в семье; эрозия коллективистских жизненных норм и семейных отношений; распространение бедности в старших возрастных группах.

Несмотря на несомненный демографический прогресс в большинстве регионов Юга – прежде всего в Азии, самом многонаселенном регионе мира - демографический взрыв не закончился, но превратился из глобального в региональное явление. Население Африки к югу от Сахары, а также наименее развитых стран Азии, быстро растет, уже намного превысив миллиард человек, т.е. совокупную численность населения глобального Севера. Стихийное снижение рождаемости в этих странах займет много десятков лет и на этом пути удастся избежать демографически обусловленных катастроф только при взаимодействии двух условий: решительного ускорения модернизации и масштабного развертывания доказавших свою результативность программ планирования семьи[30]. В противном случае реализуются средний или более высокие варианты демографического прогноза ООН. Рассчитывать на эмиграцию в направлении Севера как на клапан перенаселения не приходится, поскольку пропускная способность такого клапана должна составлять многие десятки миллионов человек в год, то есть вырасти на порядок по сравнению с нынешним уровнем.

По среднему варианту, построенному на предположении, что динамика рождаемости в Нигерии будет соответствовать тренду, наблюдавшемуся в странах, уже прошедших этот этап демографического перехода, население страны (по численности в 2007 году превысившее население России) к середине столетия утроится и достигнет 500 млн. человек, что равно нынешней численности населения Евросоюза. Но до сих пор события в стране развивались не по этому «оптимистическому» сценарию. Рождаемость сокращается медленно и неуверенно и в 2010-2015 годах составляла 5,7 ребенка на женщину (рис. 2). Если этот уровень сохранится, население Нигерии превысит миллиард человек в начале 2070-х годов, а к концу столетия составит 2,7 млрд – это больше, чем все население Земли в 1950 году (рис. 3). Это - не безответственная фантастика, а неизбежная перспектива буксующего демографического перехода, чреватая катастрофическим ростом смертности, миграционными цунами, военными агрессиями против соседей и развалом страны, что может случиться задолго до достижения первого миллиарда.

Вместе с тем это и не роковая неизбежность, ибо сочетание социально-экономических преобразований, для которых у Нигерии есть ресурсная база, с умной политикой, использующей накопленный мировой опыт, даст возможность радикально ускорить демографический переход, прекратить рост населения и избежать демографической западни. Демографическую ситуацию в Нигерии делает уникальной сочетание размера населения с параметрами его воспроизводства. В большинстве стран Африки к югу от Сахары и в наименее развитых странах Азии рождаемость превышает пять детей на женщину. Таким образом, кардинальный вопрос, требующий выработки международного подхода и мобилизации усилий, заключается в том, как ускорить демографический переход в этих странах Африке к югу от Сахары, а также в наименее развитых странах Азии[31]. В геостратегических интересах Севера – помочь этим государствам, а в интересах России принять в этом участие.

- [1] Текст подготовлен на основе статьи: Иванов С.Ф. Демографический взрыв: динамика, проблемы, решения // *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, Том 61, №7, с. 15-26
- [2] Иванов Сергей Феликсович, независимый эксперт, гостевой профессор НИУ ВШЭ, советник Секретариата ООН в 1984-2013 гг.
- [3] Здесь термины «Юг» и «Север» используются как синонимы принятым в ООН группам «развивающихся» стран и «развитых» стран. Состав этих групп постоянен.
- [4] United Nations. *World Population Prospects, The 2017 Revision*. New York, United Nations, 2017. Available at: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed 10.10.2017); United Nations. *The Determinants and Consequences of Population Trends: New Summary of Findings on Interaction of Demographic, Economic and Social Factors*. New York: United Nations, 1973. xvi, 661 p. Available at: http://www.cedem.uh.cu/sites/default/files/Aspectos_demograficos_de_la_fuerza_de_trabajo.pdf (accessed 15.06.2016); Вишневский А.Г. *Мировой демографический взрыв и его проблемы*. Москва, Знание, 1978. 63 с.
- [5] Reher D.S. *Economic and Social Implications of the Demographic Transition*. *Population and Development Review*, 2011, vol. 37 (Supplement), pp. 11-33.
- [6] Здесь и далее под антинатализмом понимается отрицательное отношение к высокой рождаемости и политика, направленная на ее снижение, что актуально в контексте развивающихся стран. В развитых странах рождаемость недостаточна для простого воспроизводства населения.
- [7] Принятый в советской литературе термин «управление» в контексте социальной политики не используется на Западе, поскольку он предполагает и оправдывает определяющую роль государства в формировании индивидуального поведения.
- [8] Иванов С.Ф. *Демография современного мира*. *Мировая экономика в начале XXI века*. Под ред. Григорьева Л. и др. Москва, ДиректМедиа, 2015, сс. 336-373
- [9] Landry A. *La revolution demographique: Etudes et essais sur les problemes de la population*. Paris, INED-Presses Universitaires de France, 1936, 227 pp. Available at: https://books.google.ru/books?id=NxW2ajK9hGEC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 02.09.2016); Notestein F. *Population – the long view*. *Food for the World*. Schultz T.W., ed. Chicago, Chicago University Press, 1945, pp. 37-57.
- [10] Ivanov S. *Population and Socio-Economic Development*. Co-authored with Salas R. and others. Sudoplatov A., ed. Moscow, Progress, 1986, 276 p.; Вишневский А.Г. *Демографическая революция*. Москва: Статистика, 1976, 240 с. Второе издание: Вишневский А.Г. *Избранные демографические труды*. Москва, Наука, 2005, том 1, сс. 5-213.
- [11] Иванов С. *Демографический переход*. *Народонаселение*. Энциклопедический словарь. Гл. ред. Валентей Д.И. Москва, Большая российская энциклопедия, 1994, сс. 226-238; Caldwell J.C. *Demographic Transition Theory*. New York, Springer, 2006, viii, 418 pp.; Вишневский А. *Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens*. *Демографическое обозрение*. Электронный научный журнал, 2014. No 1, сс. 6-33. Available at:

<https://demreview.hse.ru/2014--1/120991102.html> (accessed 18.09.2016).

[12] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585

[13] Там же

[14] Center for Research on Population and Security. Population and the American Future. The Report of the Commission on Population Growth and the American Future. Washington D.C., New American Library, 1972. Available at: [http://www.population-](http://www.population-security.org/rockefeller/001_population_growth_and_the_american_future.htm)

[security.org/rockefeller/001_population_growth_and_the_american_future.htm](http://www.population-security.org/rockefeller/001_population_growth_and_the_american_future.htm) (accessed 15.08.2016)

[15] Meadows D. and others (1972). The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York, University Books, 1972. Available at:

<http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed 05.09.2016)

[16] United States National Security Council. Implications of Worldwide Population Growth for US Security and Overseas Interests. National Security Study Memorandum 20. Washington, D.C., National Security Council. Available online at: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pcaab500.pdf

[17] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ-ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585; United States National Security Council. Implications of Worldwide Population Growth for US Security and Overseas Interests. National Security Study Memorandum 20. Washington, D.C., National Security Council. Available online at:

http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pcaab500.pdf

[18] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585; United States Congress. Population growth and development in the world economy: Hearing before the Subcommittee on international trade, finance, and security economics of the Joint Economic Committee Congress of the United States Ninety-Eighth Congress Second Session. Washington, D.C., Government Printing Office, 1984, iii, 218 p. Available at: [http://www.jec.senate.gov/reports/98th%20Congress/Population%20Growth%20and%20Development%20in%20the%20World%20Economy%20\(1269\).pdf](http://www.jec.senate.gov/reports/98th%20Congress/Population%20Growth%20and%20Development%20in%20the%20World%20Economy%20(1269).pdf) (accessed 15.07.2016); United States. Policy Statement of the United States of America at the International Conference on Population. Washington, D. C., United States Department of State, 1984. Available at:

<http://abortion.procon.org/sourcefiles/MexicoCityPolicy1984.pdf> (accessed 12.07.2016).

[19] United Nations. Final Act of the International Conference on Human Rights. (A/CONF.32/141). New York: United Nations, 1968. Available at:

http://untreaty.un.org/cod/avl/pdf/ha/fatchr/Final_Act_of_TehranConf.pdf (accessed 21.06.2016).

[20] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585; United Nations. Report of the United Nations World Population Conference, Bucharest, 19-30 August 1974 (United Nations publication, Sales No. E.75.XIII.3). New York: United Nations, 1975. Available at: <http://www.population-security.org/27-APP1.html>

[21] United Nations. Report of the International Conference on Population, Mexico City, 6-14 1984 (United Nations publication, Sales No.84.XII.8 and corrigenda). New York: United Nations, 1984.

Available at <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/231/26/IMG/N9523126.pdf?OpenElement>

[22] United Nations. Report of the International Conference on Population and Development, Cairo, 5-13

September 1994 (United Nations publication No. E.95.XIII.18). New York: United Nations, 1995.

Available at: <http://www.unfpa.org/public/home/publications/pid/1973>

[23] Организация Объединенных Наций Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. A/Res/55/2. Нью-Йорк, Организация Объединенных Наций, 2010. Available at:

http://unstats.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/GAResolutions/55_2/a_res55_2r.pdf (In Russ)

http://unstats.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/GAResolutions/55_2/a_res55_2r.pdf (In Eng);

Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет/ Статистическая комиссия. Сорок седьмая сессия. Доклад Межучрежденческой группы экспертов по показателям достижения целей в области устойчивого развития, 2016. E.CN.3/2016/2. Нью-Йорк, Организация Объединенных Наций, 2016. Available at:

http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=E/CN.3/2016/2&Lang=R (In Russ) (accessed 07.09.2016)

[24] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585.

[25] United States Agency for International Development. The Family Planning Effort Index: 1999, 2004, and 2009. Washington, D.C.: USAID, 2010. Available at:

<http://www.healthpolicyinitiative.com/Publications/Documents/>

[1110_1_FP_Effort_Index_1999_2004_2009_FINAL_05_08_10_acc.pdf](http://www.healthpolicyinitiative.com/Publications/Documents/1110_1_FP_Effort_Index_1999_2004_2009_FINAL_05_08_10_acc.pdf) (accessed 17.09.2016).

[26] United Nations. World Population Policies Database. New York, United Nations, 2013. Available at:

http://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (accessed 12.09.2016).

[27] Секретариат ООН регулярно проводит опросы правительств по вопросам народонаселения и демографической политики. Наряду с официальными ответами база данных по демографической политике []. United Nations. Accelerating achievement of the MDGs by lowering fertility: Overcoming the challenges of high population growth in the least developed countries Population Facts No. 2010/5. New York, United Nations, 2010. Available at:

http://www.un.org/esa/population/publications/popfacts/popfacts_2010-5.pdf (accessed 15.09.2016)]

содержит информацию из таких источников как официальные сообщения на сессиях комитетов и комиссий Экономического и социального совета ООН, правительственные стратегии и программы, базы данных и материалы других подразделений Секретариата и специализированных учреждений системы ООН, статьи в научных публикациях, материалы СМИ.

[28] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585; United Nations. World Population Policies Database. New York, United Nations, 2013. Available at: http://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (accessed 12.09.2016).

[29] Иванов С. Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики. Экономический журнал НИУ ВШЭ, 2011, № 12, сс. 562-585.

[30] United Nations. Accelerating achievement of the MDGs by lowering fertility: Overcoming the challenges of high population growth in the least developed countries Population Facts No. 2010/5. New York, United Nations, 2010. Available at:

http://www.un.org/esa/population/publications/popfacts/popfacts_2010-5.pdf (accessed 15.09.2016).

[31] Там же.